

рабом из-за любви к отчизне, так и я сделаю себя рабом и отдам все в жертву для отчизны». Конечно, на стороне такого монарха должны были быть симпатии автора, а с ним зрителей и читателей его трагедии.

Для своего времени идеи, провозглашенные Д. Чолокашвили в трагедии, были очень актуальны и прогрессивны, так как они проповедовали укрепление единой централизованной власти царя, превращение Грузии из раздробленной феодальной страны в абсолютную монархию, способную отстоять всю национальную независимость. С гневом обрушивается драматург на тех людей, которые во имя своих личных интересов жертвуют интересами государства. В первую очередь — это феодалы, которые всеми средствами мешали объединению Грузии под единой царской властью.

Наряду с защитой и пропагандой идей просвещенного абсолютизма, с гневным изобличением феодальной знати Д. Чолокашвили не пропускает случая показать свое отрицательное отношение к религии и к ее служителям, корыстолюбивым и жадным, которые говорят: «Дай мне, а то боги разгневаются». Нельзя не вспомнить при этом характеристику самого Д. Чолокашвили в «Калмасобе», человека «безбожного», который не захотел выслушать от монаха Хелашвили «ни одного божьего слова», а говорил только о мифологии.

Вторая редакция «Ефигении» расходится с первой начиная с VII явления, и далее действие трагедии продолжается, уже мало сообразуясь с теми идейными и художественными задачами, которые стояли перед автором первой редакции — Чолокашвили. С присоединением «продолжения» первоначальная политическая и идейная направленность произведения утрачивается. Продолжателю, видимо, показалось, что трагедия «Ефигения» лишена должной, по его мнению, идеи, и он дополнил ее банальной «отсебятиной». Во второй редакции «Ефигении» все сводится к торжеству христианской религии над язычеством. Царь Агамемнон за то, что хотел принести дочь в жертву языческим богам, гибнет от руки Ахиллеса, который является последователем новой религии. Ахиллес убивает царя Улисса, свергает идолов. В финале трагедии все действующие лица, включая и умирающего Агамемнона, клянутся в верности единому, невидимому богу.

Таким образом, те идеи, которые были воплощены в образах Агамемнона и Улисса в первых семи явлениях трагедии (т. е. в пределах первой редакции), во второй редакции совершенно искажаются, приходят в противоречие с замыслом Чолокашвили: Улисс, в уста которого были вложены слова об обязан-